

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. ¹⁾.

Но мѣръ того какъ вѣроятность разрыва между Франціею и Россіею возростала, стали появляться всякаго рода проекты и планы дѣйствій на случай войны; изъ нихъ наиболѣе выдавались и не остались безъ вліянія на послѣдовавшія событія записка Вольцогена и операціонный планъ Пфуля. Баронъ Вольцогенъ, служившій въ виртембергскихъ и прусскихъ войскахъ, поступилъ въ концѣ 1807 г. въ русскій генеральный штабъ и въ 1811 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Императора Александра, высоко цѣнившаго его умъ и основательныя познанія. Генераль Пфуль поступилъ въ русскую службу въ началѣ 1811 г.; въ прусскомъ генеральномъ штабѣ онъ пользовался репутаціею необыкновенно даровитаго и свѣдущаго офицера. Въ Берлинѣ они оба слышали отъ министра Штейна переданныя ему Нибуромъ слова Барклая о необходимости завлечь Наполеона въ сердце Россіи для нанесенія ему смертельнаго удара; оцѣнивъ это воззрѣніе, они, и особенно Вольцогенъ, также рекомендовали дѣйствія, исключаяющія возможность молніеобразныхъ развязокъ; но какъ отъявленные теоретики, они стали затѣмъ обсуждать разные мудреные проекты и въ концѣ концовъ выработали такой операціонный планъ, который, если бы не былъ внезапно брошенъ Барклаемъ, повелъ бы къ катастрофѣ.

Совѣщанія о дѣйствіяхъ, которыя въ ближайшемъ будущемъ могли сдѣлаться неотложными, происходили въ кабинетѣ монарха. Пфуль, развивавшій свои теоріи съ большимъ талантомъ, сумѣлъ пріобрѣсть неограниченное довѣріе Александра; самъ же онъ былъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюль 1912 г.

ученый доктринеръ, замкнутый въ тѣсной умственной сферѣ, не признавалъ военнаго генія Наполеона, твердо вѣрилъ, что подражаніе Фридриху II и неуклонное исполненіе стратегическихъ правилъ Бюлова обезпечиваютъ успѣхъ. Являясь на войну съ готовыми предположеніями, онъ терялъ всякую почву подъ собою, какъ только дѣйствительность не соответствовала его ожиданіямъ. Замѣчательно, что даже въ ноябрѣ 1812 г., когда гибель Наполеоновской арміи стала для всѣхъ очевидною, онъ съ сокрушеніемъ говорилъ: „Повѣрьте, изъ этого ничего путнаго не выйдетъ“¹⁾. Къ совѣщаніямъ этимъ, имѣвшимъ сначала общій характеръ, былъ привлекаемъ и Барклай, которому однако такая сфера доктринерскихъ преній была не по нутру; принимая вынужденное участіе въ продолжительныхъ и мало полезныхъ разсужденіяхъ, онъ настаивалъ только на выдвиганіи армій впередъ, дабы выиграть просторъ и время для задуманной имъ системы отступленія. Въ этомъ духѣ была также заключена тогда военная конвенція съ Пруссіею. Когда же въ февралѣ 1812 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что послѣдняя заключила союзъ съ Франціею, пришлось отъ выдвиганія нашихъ войскъ въ восточную Пруссію и герцогство Варшавское отказаться и приготовиться къ встрѣчѣ противника въ собственныхъ предѣлахъ; тогда монархомъ было поручено Пфулю выработать вмѣстѣ съ Вольцогеномъ, безъ вѣдома Барклая²⁾, соответственный операціонный планъ. Пресловутый планъ этотъ былъ рассчитанъ ими на театрѣ дѣйствій весьма ограниченныхъ размѣровъ между Нѣманомъ и Двиною; излюбленные принципы Бюлова нашли въ немъ конечно первенствующее примѣненіе, а въ особенности его изреченіе: „важные пункты обороняются лучше фланговою позиціею, нежели фронтальною“. Важнымъ пунктомъ былъ признанъ г. Вильно, а лучшею фланговою позиціею — укрѣпленный лагерь на лѣвомъ берегу Двины у Дриссы, между двумя главными путями въ Петербургъ и Москву. По предположенію Пфуля 1-я западная армія въ 120.000 ч., съ вступленіемъ противника въ наши предѣлы, сосредоточивается у Свѣянцанъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ принимаетъ тамъ сраженіе, въ противномъ случаѣ отходитъ въ Дрисскій лагерь, что ставитъ непріятеля въ крайне затруднительное положеніе: куда бы онъ ни обратился, русская армія у него на флангѣ. Если непріятель переведетъ часть силъ на правый берегъ Двины, то 1-я армія, оставивъ 50.000 ч. въ укрѣпленіяхъ, съ

¹⁾ Der Feldzug von 1812 in Russland. Gen. C. v. Clausewitz, стр. 9.

²⁾ М. Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Т. I, стр. 2. Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Grafen Toll. Ч. I, стр. 259.

остальными 70.000 также переходить черезъ Двину и атакуеть; если же непріятель перейдетъ Двину съ главными силами, то русская армія вся выходитъ изъ лагеря и нападаетъ на оставшихся. Между тѣмъ 2-я армія въ 80.000 ч., усиленная многочисленными казачьими полками, дѣйствуетъ въ флангъ и тылъ Наполеона. Но воображеніе Пфуля дополняло то, чего въ дѣйствительности не доставало; Динабургской крѣпости, снабжающей лагерь всѣмъ нужнымъ, не было; въ 1-й западной арміи числилось не 120.000, а 110.000 ч., въ 2-й же не 80.000, а 45.000 ч.; силы Наполеона предполагались только немногимъ превышавшими наши войска, въ дѣйствительности же были почти двойныя. Столь авторитетный критикъ, какъ Клаузевицъ, поступившій тогда въ русскую службу, пишетъ о Дрисскомъ лагерѣ, что наша армія была бы атакована въ немъ съ тыла и вынуждена къ капитуляціи. Операціонный планъ Пфуля остался тайною до прибытія монарха въ главную квартиру въ Вильно, изъ чего можно заключить, что онъ хотѣлъ принять на себя лично главное командованіе надъ всѣми войсками; къ счастью Барклай, получившій по отъѣздѣ Императора изъ Дриссы полную свободу дѣйствій, успѣлъ своевременно вывести оттуда свою армію.

Расположеніе нашихъ войскъ по западной границѣ наканунѣ войны было слѣдующее:

Первая западная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли,—150 бат., 136 эск., 18 казач. пол., 49 арт. ротъ, 2 піонер., 2 понтон. роты, всего 110.000 ч. съ 558 орудіями,—занимала пространство отъ Россіены до Лиды. Главная квартира въ Вильнѣ.

I пѣх. корпусъ (дивизіи: 5 пѣх. Берга, 14 пѣх. Сазонова, 1 кав. Каховскаго) гр. Витгенштейна—28 бат., 16 эск., 3 казач. пол., 9 артил. ротъ, 2 понтон. и 1 піонер. роты, около 19.600 ч.—на правомъ флангѣ, у Кейданы; отрядъ у Россіены.

II пѣх. корпусъ (дивизіи: 4 пѣх. принца Евгенія Виртембергскаго, 17 пѣх. Олсуфьева, Елизаветградскій гусар. п.) Багговута—24 бат., 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч. у Орбритенъ.

III пѣх. корпусъ (дивизіи: 1 гренад. гр. Строганова, 3 пѣх. Коновницына, лейбъ-казаки) Тучкова—24 бат., 4 эск., 1 казач. п. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч.—у Новыхъ Трокъ.

IV пѣх. корпусъ (дивизіи: 11 пѣх. Бахметьева 2-го (потомъ Чоглокова) 23 пѣх. Бахметьева 1-го (потомъ Лапшева) Изюмскій гусар. п.) Гр. Шувалова (съ 1 іюля Остермана)—23 бат. 8 эск. и 6 артил. ротъ, около 14.500 ч.,—у Олкенякъ. Эти три корпуса имѣли центральное расположеніе.

VI пѣх. корпусъ (дивизіи: 7 пѣх. Капцевича, 24 пѣх. Лихачева, Сумскій гусар. п.) Доктурова—24 бат., 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч.—на лѣвомъ флангѣ, у Лиды.

3-й резервный кавалерійскій корпусъ гр. Палена—24 эск. съ 1 кон. артил. ротю, около 2.500 ч.—у Лебюды. Затѣмъ во 2-й линіи:

V пѣх. (гвардейскій) корпусъ (гвардейская пѣх. дивизія Ермолова (съ 1 іюля Шувалова, съ 23 іюля Лаврова), гвард. экипажъ, сводная гренадер. дивизія (7 бат.), 1 кирасирская дивизія Дебрерадовича) Цесаревича Константина Павловича — 26 бат., 20 эск., 5 артил. ротъ и 2 кон. батареи, около 18.000 ч.—у Свѣнцянъ.

1-й резервный кавал. корпусъ Уварова—20 эск. съ 1 кон. артил. ротою, около 2.000 ч.,—у Вилькомира.

2-й резервный кавал. корпусъ бар. Корфа — 24 эск. съ 1 артил. ротою, около 2.400 ч.,—у Сморгони.

Летучій корпусъ Платова — 14 казач. п. съ 1 донскою артил. ротою, всего около 6.000 ч., — у Гродно, въ промежуткѣ между первою и второю арміею.

Вторая западная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи кн. Багратиона,—46, а съ прибытіемъ (21 іюня) 27-й пѣх. дивизіи—58 бат., 52 эск., 9 казач. полковъ, 18 артил. ротъ, 1 піонер. и 1 понтон. роты, всего 45.000 ч. съ 216 орудіями—была расположена между Нѣманомъ и Бугомъ. Главная квартира въ Волковискѣ.

VII пѣх. корпусъ (дивизіи: 26 пѣх. Паскевича, 12 пѣх. Колюбакина, Ахтырскій гусар. п.). Раевского — 24 бат. 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.600 ч.—у Новаго-Двора.

VIII пѣх. корпусъ (дивизіи: 2 гренадерская принца Карла Мекленбургъ-Шверинскаго, сводная гренадерская гр. Воронцова (10 бат.), 2 кирасирская Кнорринга) Бороzdина—22 бат., 20 эск. и 5 артил. ротъ, около 15.400 ч.—у Волковиска.

27-я пѣхот. дивизія Невѣровскаго—12 бат., около 7.500 ч. — въ слѣдованіи на Минскъ.

4-й кавалерійскій корпусъ гр. Сиверса—24 эск., 1 кон. артил., 1 понт. и 1 піонер. роты, около 2.500 ч.—у Зельвы.

Летучій казачій отрядъ Иловайскаго—9 казач. полковъ съ 1 донскою артил. ротою, около 4.000 ч.—у Бѣлостока.

Третья резервная обсервационная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Торماسова, — 54 бат., 76 эск., 9 казач. полковъ, 14 артил. ротъ, 1 понтон. и 1 піонер. роты, всего 46.000 ч. съ 164 орудіями. — занимала Волынь. Главная квартира въ Луцкѣ.

Корпусъ гр. Каменскаго (18 пѣх. дивизія кн. Щербатова, сводная, гренадерская бригада (6 бат.), Павлоградскій гусар. полкъ)—18 бат., 8 эск., 4 артил. роты, всего около 12.400 ч.—въ окрестностяхъ Луцка.

Корпусъ Маркова (дивизіи: 15 пѣх. Назимова, 9 пѣх. Удома, Александрійскій гусар. п.)— 24 бат., 8 эск., 7 артил. ротъ, всего около 15.800 ч.,—у Ковеля.

Корпусъ Сакена (дивизіи: 36 пѣх. Сорокина, 11-я кавалерійская, Лубенскій гусар. п.)—12 бат., 24 эск., 2 артил. роты, всего около 10.200 ч.,—у Заслова и ст. Константинова.

Кавалерійскій корпусъ гр. Дамберта — 36 эск., около 3.600 ч., — у Владимира.

Казачи, 9 полковъ, около 4.000 ч.,—по различнымъ отрядамъ.

Каждая изъ этихъ армій имѣла своего вождя, но общаго главнокомандующаго не было, хотя двѣ арміи должны были дѣйствовать на одномъ и томъ же театрѣ войны. Полагали, что монархъ намѣ-

ренъ возложить это званіе на себя; однакожъ никакихъ распоряженій по этому предмету не было сдѣлано. Думалъ ли Императоръ Александръ своимъ присутствіемъ придать главнокомандующему 1-й арміи атрибуты генералиссимуса, которыми не рѣшался облечь кого-либо изъ своихъ генераловъ.

Старѣйшій изъ выдававшихся въ то время военачальниковъ былъ Кутузовъ. Не очень старый, но дряхлый, способный, но эгоистъ, онъ не внушалъ Императору Александру I довѣрія; и дѣйствительно, въ такую эпоху, когда всякіе личные интересы должны были исчезнуть передъ великимъ дѣломъ спасенія отечества, для полководца требовались другія качества, нежели умъ и хитрость¹⁾. Беннигсенъ считался искуснымъ и опытнымъ генераломъ, но онъ выказалъ въ 1807 году столько безпечности и склонности къ интригамъ, что утратилъ репутацію, пріобрѣтенную Пултускомъ и Эйлаускимъ сраженіями. Русскій баярдъ Милорадовичъ не обладалъ качествами главнокомандующаго, также какъ и храбрый его сподвижникъ Багратионъ, который, хотя и носилъ это званіе въ 1810 г. на Дунаѣ, но не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Къ числу лучшихъ генераловъ принадлежалъ и Тормасовъ, но онъ былъ очень слабъ здоровьемъ. Оставался Барклай. Онъ не имѣлъ еще случая выказать дарованій полководца, но во всѣхъ войнахъ проявлялъ столько хладнокровія и распорядительности, что монархъ, узнавъ ближе его возвышенный характеръ, возымѣлъ къ нему особенное уваженіе и неограниченное довѣріе. Однако, онъ былъ моложе всѣхъ. Быть можетъ, это обстоятельство было причиною, что вопросъ объ общемъ командованіи остался открытымъ, даже и по отъѣздѣ Государя изъ арміи. Александръ, вѣроятно, полагалъ, что Барклай по званію военнаго министра могъ настаивать на своихъ требованіяхъ и безъ главнаго на то условія, столь мѣтко выраженнаго Суворовымъ: „полная мочь избранному полководцу“. Рождается вопросъ: имѣло ли оставленіе столь важнаго вопроса безъ надлежащаго рѣшенія пагубныя послѣдствія или нѣтъ?

По мнѣнію Жомини, важнѣйшія качества полководца составляютъ: „великій характеръ, или нравственное мужество, ведущее къ великимъ рѣшеніямъ, и хладнокровіе, или физическое мужество, господствующее надъ опасностями. Умѣніе стоитъ на третьемъ планѣ“²⁾. Если изреченіе знаменитаго писателя и можетъ, какъ общее правило, показаться нѣсколько одностороннимъ, то при обстоятель-

¹⁾ Редакція „Русской Старины“ не раздѣляетъ взглядовъ автора на Кутузова, доказавшаго въ 1812 году, что онъ обладалъ всѣми качествами полководца для борьбы съ Наполеономъ.

²⁾ Précis de l'art de la guerre. Ч. I, стр. 110.

ствахъ Отечественной войны оно оказывается неоспоримою истиною. Противъ тройныхъ силъ Наполеона никакое умѣніе не могло бороться, и всякій другой операціонный планъ, какъ бы онъ искусенъ ни былъ, неминуемо имѣлъ бы самыя бѣдственныя послѣдствія. Какъ только обнаружилось, что силы, съ которыми онъ вступилъ въ наши предѣлы, простирались за 600.000 ч., оставался одинъ лишь способъ дѣйствій,—тотъ, который былъ высказанъ Барклаемъ еще въ 1807 году и выполненъ въ 1812-мъ, т. е. ослаблять врага постояннымъ противодѣйствіемъ, не вдаваясь въ рѣшительный бой до уравненія силъ, хотя бы за Москвой. Но при выполненіи этого плана пришлось имѣть дѣло не съ однимъ только непріателемъ: пришлось бороться и съ общественнымъ мнѣніемъ, видѣвшимъ въ немъ чуть ли не измѣну; пришлось также бороться съ интригами и кознями ближайшихъ сотрудниковъ и исполнителей, не постигавшихъ такой образъ дѣйствій и возненавидѣвшихъ его представителя; пришлось еще бороться съ порывами войскъ, горѣвшихъ желаніемъ помѣряться съ врагомъ; пришлось, наконецъ, бороться съ самимъ собою, съ естественнымъ стремленіемъ испытать счастье и сбросить съ себя тяжкія подозрѣнія и клевету. Былъ ли другой въ состояніи это исполнить? Для этого геніальности было мало; нуженъ былъ именно тотъ „великій характеръ“ и то „хладнокровіе“, о которыхъ говоритъ Жюмани. Барклай не былъ геніальнымъ полководцемъ, но онъ неизмѣримо выдавался надъ современниками „нравственнымъ мужествомъ, ведущемъ къ великимъ рѣшеніямъ“, и „физическимъ мужествомъ, господствующимъ надъ опасностями“. Проникнутый могучимъ убѣжденіемъ, онъ безмолвно, но непреклонно до самоотверженія шелъ къ непроницаемъ для другихъ, но ясной для него цѣли, презирая популярность и не заботясь объ общественномъ мнѣніи.

Силы, назначенныя Наполеономъ для вторженія въ Россію, простирались до 600.000 ч.¹⁾; онѣ были раздѣлены на 12 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ корпусовъ, въ которыхъ считалось 604 баталіона, 530 эскадроновъ, 1.242 орудія полевой и 130 орудій осадной артиллеріи и 180.000 лошадей. Армія громадная, хотя и не цѣльная: французскія войска составляли въ ней лишь половину; но и всѣ прочія, подъ начальствомъ маршаловъ и особенно въ присутствіи Наполеона, дрались отлично. Однако не всѣ означенныя войска могли вступить въ наши предѣлы одновременно; 150.000 ч. находились еще назади, послужили резервами и перешли границу

¹⁾ 472.000 ч. пѣхоты и пѣшей артиллеріи, 96.000 кавалеріи и конной артиллеріи, 20.000 ч. инженерныхъ, осадныхъ и обозныхъ войскъ.

во время войны. Такому небывалому числу войск соответствовали также заготовленія продовольствія и перевозныхъ средствъ, при чемъ главнымъ складочнымъ пунктомъ назначена крѣпость Данцигъ. Для перевозки провіанта за войсками было приказано собрать 5—6.000 повозокъ и до 10.000 погонщиковъ. „Съ такими средствами, писалъ Наполеонъ, мы поглотимъ всѣ препятствія“¹⁾. Но тутъ рождается вопросъ: какія же чрезвычайныя причины вызвали необходимость столь громадныхъ усилій. Самъ Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: „Россія была слишкомъ сильна, чтобы войти въ передѣланную мною систему Европы: нужно было вытѣснить ее оттуда. Трудности войны не могли меня остановить. Мой геній быстро обнималъ ихъ, но въ то же время находилъ средства къ преодоленію препятствій“²⁾.

„Война будетъ, писалъ онъ королю Виртембергскому; она будетъ вопреки моей волѣ и вопреки волѣ Императора Александра, вопреки интересовъ Франціи и вопреки интересовъ Россіи“³⁾. Если онъ писалъ: „вопреки моей волѣ“, то былъ правъ потому, что его воля подчинялась таинственной, демонской силѣ, которую онъ самъ называлъ „своей судьбою“.

Движеніе великой арміи къ русской границѣ происходило среди увѣреній Наполеона въ дружбѣ къ русскому монарху и желаніи войти съ нимъ въ соглашеніе. Дѣлая видъ, что миру опасности не угрожаетъ, и отправивъ съ этою цѣлью гр. Нарбонна съ письмомъ къ Александру, онъ оставался въ Парижѣ до послѣдней возможности и только 9 мая (н. с.) выѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ собрались для его привѣтствованія всѣ монархи центральной Европы. Послѣ 12-дневнаго пребыванія въ саксонской столицѣ Наполеонъ поѣхалъ черезъ Познань и Торнъ въ Данцигъ, объявилъ этотъ городъ присоединеннымъ къ Франціи и прибылъ 31 мая (12 іюня), въ Кенигсбергъ. Наконецъ, 9 (21) іюня, онъ перенесъ свою главную квартиру въ Вильковишки, гдѣ уже находилась его гвардія.

Направленіе, данное Наполеономъ своимъ войскамъ, какъ только расположеніе русскихъ армій ему сдѣлалось извѣстнымъ, соответствовало образу дѣйствій, которому онъ охотно давалъ предпочтеніе—прорыву центра. Выработаннаго операціоннаго плана не было; онъ не имѣлъ привычки составлять таковыя письменно, да и не нуждался въ томъ, такъ какъ командовалъ арміями самъ; онъ

¹⁾ Богдановичъ. Исторія отечеств. войны 1812 г., ч. I, стр. 52.

²⁾ Napoléon au tribunal de César, etc. ч. IV, стр. 4—5; 8—9; 15—16.

³⁾ Письмо отъ 2 апрѣля 1811 года. Lafrey, Histoire de Napoléon I, ч. 5, стр. 441.

усвоивалъ себѣ лишь общія идеи, предоставляя осуществленіе ихъ вдохновенію минуты. Тѣмъ не менѣе всѣ его войны обнаруживаютъ глубокой и вѣрный, предварительный расчетъ. Такъ и въ 1812 году. Всѣ подготовительныя дѣйствія ясно указываютъ на намѣреніе сосредоточить незамѣтнымъ образомъ большія силы въ герцогствѣ Варшавскомъ, а послѣдовавшія затѣмъ распоряженія обличаютъ существованіе вполне обдуманнаго плана клинообразнымъ движеніемъ на Вильно разъединить арміи Барклая и Багратиона, отбросить первую къ сѣверу, а послѣднюю въ болота Припечи, и обнажить операціонный путь на Москву. Дрисскій укрѣпленный лагерь какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ этому намѣренію: отступленіе туда 1-й арміи еще болѣе отдѣляло ее отъ второй и успокаивало Наполеона относительно дошедшихъ до него свѣдѣній о намѣреніи Барклая уклоняться отъ рѣшительнаго боя и отступать въ глубь Россіи.

Согласно этому плану великая армія была двинута къ Нѣману тремя массами: главныя силы подъ непосредственнымъ начальствомъ императора—гвардія, пѣхот. корп.: Даву, Удино и Нея, и кавал. корп. Нансути и Монбрюна, всего 220.000 ч. (гвардія (старая марш. Лефевра, молодая марш. Мортье, легіонъ Вислы, к. марш. Бесьеръ): 54 б. и 35 эск., всего 47.000 ч.—1-й кор. марш. Даву: 88 б. и 16 эск., всего 72.000 ч.—2-й к. марш. Удино: 51 бат. и 20 эск., всего 37.000 ч.—3-й кор. марш. Нея: 48 бат. и 24 эск., всего 40.000 ч.—1-й рез. кав. кор. гр. Нансути: 60 эск., 12.000 ч.—2-й рез. кав. кор. гр. Монбрюнъ: 60 эск., 10.000 ч. Итого, съ императ. козвоемъ, болѣе 220.000 ч.—къ Ковно. Вся кавалерія была еще подчинена королю Неаполитанскому Мюрату. Средняя колонна принца Евгенія вице-короля италійскаго: пѣхотн. корп. вице-короля (итал.) и Сень-Сира (бавар.) и кав. корп. Груши, всего 80.000 ч. (4-й кор. вице-короля: 57 бат. и 24 эск., всего 45.000 ч.—6-й кор. гр. Сень-Сира: 28 бат. и 16 эск., всего 25.000 ч.—3-й рез. кор. гр. Груши, 60 эск., 10.000 ч. Итого 80.000 ч.)—къ Пренамъ. Правая колонна короля Иеронима: пѣхот. кор. Понятовскаго (польск.), Рейнье (саксон.) и Жюно (вестфал.) и кав. к. Латуръ-Мобура, всего также до 80.000 ч. (5-й кор. кн. Понятовскаго: 44 бат. и 20 эск., всего 36.000 ч.—7-й кор. гр. Рейнье: 18 бат. и 16 эск., всего 17.000 ч.—8 кор. марш. Жюно: 16 бат. и 12 эск., всего 18.000 ч.—4-й кав. кор. гр. Латуръ-Мобура: 44 эск., 8.000 ч. Итого съ войсками главной квартиры слишкомъ 80.000 ч.—къ Гродно и Бѣлостоку. Прикрытіе главной арміи съ сѣвера и юга было возложено на фланговые корпуса: лѣвый Макдональда (сводный со всѣми частями прусскаго корпуса), всего 32.500 ч. (10-й кор. марш. Макдональда: 36 бат. (въ томъ числѣ 16 непрусскихъ) и 16 эск., всего 32.500 ч.) направленный на Тильзитъ, и правый Шварценберга (австрійскій), всего 33.000 ч. (австр. кор. кн. Шварценберга: 27 бат. и 54 эск., всего 33.000 ч.)—двинутый къ Драгочину на Бугъ. Всѣ эти войска, численностью до 450.000 ч., были сосредоточены въ половинѣ іюня у пунктовъ переправы. Для подкрѣпленія же ихъ и пополненія убыли слѣдовали еще за ними: пѣх. корпусъ Виктора 33.000 ч. (9-й кор. марш. Виктора: 54 бат. и 16 эск., всего 33.000 ч.); двѣ дивизіи резервнаго корпуса Ожеро, 27.000 ч. и около 80.000 ч. маршевыхъ частей и сформированныхъ въ Литвѣ полковъ.

Такимъ образомъ общее число непріятельскихъ войскъ, вступившихъ въ предѣлы Россіи и принявшихъ участіе въ кампаніи 1812 года, со включеніемъ артилл. парковъ, составляло 608.000 чел. ¹⁾.

Главныя силы великой арміи, составлявшія исходящій уголь общаго расположенія, были переправляемы черезъ Нѣманъ 12 (24) іюня; вице-королю же было предписано переправиться лишь 18 (30), а королю вестфальскому еще нѣсколькими днями позже. Это послѣднее распоряженіе очевидно имѣло цѣлью [усыпить бдительность Багратиона и удержать его на мѣстѣ до выдвигенія главныхъ силъ настолько, чтобы охватить правый флангъ нашей 2-й арміи и подготовить ей, при быстромъ затѣмъ наступленія Іеронима, неминуемую катастрофу.

Между тѣмъ и фланговые корпуса вступили въ наши предѣлы: 12 (24) іюня Макдональдъ перешелъ Нѣманъ у Тильзита, 19 іюня (1 іюля) Шварценбергъ переправился черезъ Бугъ у Драгочина. Такимъ образомъ къ концу іюня около 450.000 ч. непріятельскихъ войскъ перешли границу, изъ которыхъ болѣе 400.000 были сосредоточены на сѣверномъ театрѣ войны; съ нашей стороны имъ могли быть противопоставлены не болѣе 155.000 ч.

Назначеніе Барклая главнокомандующимъ 1-й западной арміи съ оставленіемъ въ должности военнаго министра, состоялось 19 марта, а 23 онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Ригѣ, онъ продолжалъ путь черезъ Шавли и Ковно въ Вильно, куда прибылъ 30-го въ 8 ч. вечера. Въ письмѣ, приложенномъ къ донесенію о состояніи Риги, онъ писалъ Государю: „но главныя силы крѣпости заключаются въ личности ея коменданта. Я увѣренъ, что онъ предпочтетъ погребсти себя подъ развалины крѣпости, нежели сдать противнику, но тѣмъ не менѣе плохо ее будетъ оборонять“ ²⁾. Далѣе, указывая на необходимость безотлагательно открыть дѣйствія, онъ проситъ объявить военное положеніе въ Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ.

По прибытіи въ Вильно, Барклай получилъ свѣдѣнія, сильно его озаботившія: противникъ быстро приближался къ границѣ герцогства Варшавскаго, тогда какъ наши арміи оставались неподвижными. Становилось очевиднымъ, что оптимизмъ русскаго кабинета, не вѣрившаго въ разрывъ, или же нежеланіе Александра сдѣлать

¹⁾ По весьма точнымъ исчисленіямъ М. Богдановича, — Исторія отечественной войны 1812 г.

²⁾ Письмо Барклая-де-Толли 28 марта 1812 г.

первый шагъ, лишали насъ всѣхъ выгодъ инициативы. Это обстоятельство вызывало со стороны Барклая энергическія представленія; въ письмѣ отъ 9 апрѣля читаемъ: „Ваши арміи, государь, сосредоточены и готовы драться; но ихъ начальникамъ все еще неизвѣстно, гдѣ предѣлы терпимаго приближенія врага, и когда война можетъ быть признана объявленною“. Затѣмъ, убѣдившись въ невозможности предупредить противника въ Варшавѣ и Кенигсбергѣ, онъ пишетъ о немедленномъ выдвигеніи иррегулярныхъ войскъ, усиленныхъ частями регулярной кавалеріи и легкой пѣхоты, и заключаетъ словами: „но безъ особаго повелѣнія никто не въ правѣ предпринять такія дѣйствія, такъ какъ они послужили бы сигналомъ войны, рѣшеніе которой не предоставлено ли единственно волѣ Вашего Величества“. Однако представленія эти остались безъ послѣдствій; Императоръ Александръ, въ сущности предпочитавшій выжидательную систему Пфуля, отказался отъ какой-либо инициативы дѣйствій.

Штабъ Барклая былъ составленъ не совсѣмъ удачно относительно двухъ важнѣйшихъ его сотрудниковъ: начальника штаба и генераль-квартирмейстера. Первымъ былъ генераль-лейтенантъ Лавровъ, мало соответствовавшій этой должности и при томъ настолько неподвижный, что съ трудомъ садился на лошадь¹⁾; послѣдній—генераль-маіоръ Мухинъ, отличный съемщикъ и картографъ, но плохой офицеръ генеральнаго штаба. Неудивительно поэтому, что оба, вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій, были замѣнены другими лицами, а именно: Лавровъ—маркизомъ Паулуччи, а черезъ 10 дней генераломъ Ермоловымъ; Мухинъ полковникомъ Толемъ. Прочіе начальники отдѣльныхъ управленій были: дежурный генераль—генер.-маіоръ Кикинъ, начальникъ артиллеріи—ген.-м. гр. Кутайсовъ, начальникъ инженеровъ—ген.-лейт. Трузсонъ, генераль-интендантъ д. с. с. Канкринъ²⁾. Затѣмъ къ главной квартирѣ принадлежали начальники управленій полевого штаба, офицеры генеральнаго штаба³⁾, адъютанты и ординарцы⁴⁾. Исключительное

¹⁾ *Denkwürdigkeiten eines Livländers*, стр. 179.

²⁾ Впослѣдствіи графъ и извѣстный министръ финансовъ. Нѣсколько позже (6 іюня) было учреждено главное управленіе по продовольствію арміи, возложенное на т. с. Ланского.

³⁾ Полк. Мишо, подполк. Нейдгардъ I, пор. Богдановичъ и Діестъ, подпор. Озерскій и Муравьевъ I, прап. Муравьевъ 2, Муравьевъ 5, кн. Голицынъ 2, и колоннов. Мухинъ.

⁴⁾ Полк. Закревскій (управляющій полевою канцелярією военнаго министра); маіоръ Левенштернъ и Рейцъ; капит. Сеславинъ, Вельяминовъ и Краминъ; шт.-капитаны Каверъ, Клингеръ, Гурко, Нарышкинъ и Каши-

положеніе занималъ состоявшій при главнокомандующемъ флигель-адъютантъ полковникъ Вольцогенъ; онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Государя и былъ близкимъ человѣкомъ Пфулю, а потому весьма вѣроятно, что самъ Монархъ назначилъ его какъ бы соединительнымъ звеномъ между симъ послѣднимъ и Барклаемъ. Изъ многочисленныхъ адъютантовъ, штабсъ-капитанъ Каверъ былъ особенно близокъ къ Барклаю и никогда его не покидалъ; всѣ другіе имѣли съ нимъ болѣе служебныя отношенія, хотя, конечно, въ различной степени пользовались его довѣріемъ; но всѣ они раздѣляли съ нимъ боевыя опасности, труды бивачной жизни и простой солдатскій обѣдъ. По свидѣтельству Левенштерна, Барклай обращался со своими адъютантами и ординарцами съ сердечнымъ участіемъ, но былъ требователенъ и строгъ¹⁾.

Въ половинѣ апрѣля, а именно 14 (26), пріѣхалъ въ Вильно Императоръ Александръ и лично вступилъ въ главное начальствованіе надъ всѣми арміями. Тогда послѣдовало распоряженіе о передвиженіи 2-й арміи къ Пружанамъ и Волковиску, а 6-го корпуса—къ Лидѣ. Тогда же операціонный планъ Пфуля былъ объявленъ къ руководству. Особеннаго военнаго управленія при Монархѣ не было; имѣя при себѣ министра, онъ повидимому признавалъ таковое ненужнымъ, хотя генералы кн. Волконскій и Пфуль состояли при немъ какъ бы въ видѣ начальника штаба и генераль-квартирмейстера. При первомъ состоялъ тогда полковникъ Толь, а при послѣднемъ знаменитый впоследствии Клаузевицъ. Впрочемъ, Волконскій, по свойственной ему скромности, уклонялся отъ всякаго вмѣшательства и ограничивался передачею Высочайшихъ повелѣній; Пфуль же, по совершенному незнанію русскаго языка, былъ неспособенъ къ какой-либо практической дѣятельности. Тѣмъ болѣе оставалось простора для вмѣшательства прочихъ лицъ, окружавшихъ Государя, изъ которыхъ, кромѣ принцевъ Георгія Ольденбургскаго и Александра Виртембергскаго, наиболѣе выдавались: генералы Беннигсенъ, Паулуччи, Аракчеевъ и гр. Армфельдъ. Лица эти не имѣли ни отвѣтственныхъ должностей, ни опредѣленныхъ занятій и потому занимались лишь критикованіемъ всѣхъ распоряженій и интригами, отчасти для достиженія личныхъ цѣлей; при этомъ критика ихъ и интриги были направлены противъ Барклая, котораго, какъ человѣка самостоятельнаго и мало доступнаго, занимавшаго

цевъ; поруч. Ламсдорфъ, Бокъ, Ростопчинъ, Барклай-де-Толли, Сиверсъ и Граббе. Затѣмъ въ видѣ ординарцевъ находились при немъ адъютанты другихъ лицъ: Бартоломей, Тимротъ и Варденбургъ, Орловъ, Петерсонъ-Чихачевъ.

¹⁾ Denkwürdigkeiten eines Livländers, стр. 197.

важнѣйшій въ имперіи военный постъ, они ненавидѣли. Они только и говорили объ ошибкахъ и неспособности главнокомандующаго; Беннигсенъ, не покидавшій надежды достигнуть этого званія, горячо имъ вторилъ ¹⁾ и выставлялъ свои соображенія; Паулуччи, со свойственною ему манерою подсмѣиваться, порицалъ все въ видѣ шутокъ; Аракчеевъ, озлобленный противъ своего преемника за открытыя злоупотребленія и введенныя преобразованія, вредилъ ему сколько могъ ²⁾; Армфельдъ, наконецъ, видѣлъ въ интригахъ пріятное препровожденіе времени. Затѣмъ при Монархѣ находились и гражданскіе сановники: гр. Румянцевъ, гр. Кочубей, Шишковъ, гр. Толстой, извѣстный прусскій министръ Штейнъ и др.; хотя они въ военное дѣло мало вмѣшивались, но уже одно пребываніе ихъ въ главной квартирѣ характеризуетъ тогдашнее управленіе армій. Насколько вся эта обстановка тяготила Барклая, видно изъ того, что онъ съ перваго же дня военныхъ дѣйствій отдѣлился отъ главной квартиры. „Я нахожусь при войскахъ въ виду непріятеля, пишетъ онъ женѣ 26 іюня, и въ главной квартирѣ почти не бываю, потому что это настоящій вертепъ интригъ и кабалы, дѣлающій нашего прекраснаго Монарха нерѣшительнымъ и недовѣрчивымъ³⁾“. Однако жъ Барклаю не удалось совершенно предотвратить неизбежныя при такихъ обстоятельствахъ столкновенія и недоразумѣнія; это усматривается, между прочимъ, изъ письма къ нему Императора Александра по поводу состоявшагося помимо военнаго министра и главнокомандующаго назначенія гр. Остермана командиромъ 4-го корпуса вмѣсто графа Шувалова, и недоставленія посланныхъ ему генераломъ Эссенемъ донесеній: „Вчерашнія письма ваши, признаюсь, вызвали во мнѣ чувство огорченія. Возможно ли, что послѣ столькихъ доказательствъ уваженія, привязанности, довѣрія и, позвольте прибавить, явнаго предпочтенія даже передъ лицами моего семейства, Вы находите удовольствіе быть несправедливымъ ко мнѣ. Въ минуту отъѣзда изъ Бельмонта получаю письмо отъ гр. Шувалова, въ которомъ онъ говоритъ, что не въ состояніи командовать корпусомъ, не можетъ болѣе держаться на лошади и собрать двухъ мыслей въ головѣ,—вотъ его выраженія. Нельзя было терять времени, а въ распоряженіи моемъ былъ одинъ только Остерманъ. Подлинное письмо Шувалова я вручилъ Вольцогену съ приказаніемъ представить его Вамъ и передать отъ моего имени, что въ виду возможности атаки со стороны противника, я счелъ полезнымъ не-

¹⁾ Вольцогенъ, Клаузевицъ, Бернарди, Левенштернъ и др.

²⁾ Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. Ч. I, стр. 133.

³⁾ Письмо отъ 26 іюня изъ Бельмонта.

медленно отправить туда Остермана“. Далѣе въ письмѣ говорится также о донесеніяхъ генерала Эссена и въ заключеніи: „Итакъ, это должно васъ убѣдить, что съ моей стороны ни малѣйшаго недовѣрія не было и что вы меня несправедливо обвиняли“. Письмо великодушнаго Монарха, оправдывающагося передъ подданнымъ и успокаивающаго его, указываетъ однако жъ на существовавшій въ управленіи разладъ. Трудно допустить, чтобы Барклай сталъ заявлять въ такое серіозное время личную претензію даже по такому поводу, какъ назначеніе корпуснаго командира помимо его. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ рѣшился на этотъ шагъ лишь послѣ нѣкоторыхъ случаевъ подобнаго рода, съ цѣлью оградить столь необходимую для успѣха дѣла неприкосновенность своихъ отвѣтственныхъ правъ; а что это было нужно, усматривается между прочимъ изъ разногласія инструкцій, отправленныхъ въ то время и имъ, и Императоромъ Александромъ князю Багратиону, разногласія, имѣвшаго, какъ увидимъ, рѣшающее вліяніе на послѣдующія событія.

Поздно вечеромъ 11 (23) іюня главные силы французской арміи, собранныя у Ковно, начали переправляться черезъ Нѣманъ. Извѣстіе о томъ пришло въ Вильно сутками позже, во время бала, устроеннаго генераль-адъютантами въ Закретѣ, загородномъ домѣ Беннигсена. Въ ту же ночь Императоръ Александръ отдалъ повелѣніе войскамъ 1-й и 2-й армій отступать согласно принятому плану дѣйствій. Тогда же онъ подписалъ приказъ арміямъ и рескриптъ столицѣ на имя фельдмаршала гр. Салтыкова, кончающійся слсвами: „Я не положу оружія, доколѣ ни одинаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“. Въ слѣдующую ночь генераль-адъютантъ Балашевъ былъ посланъ съ письмомъ къ Наполеону, которому Монархъ поручалъ сказать, что „если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ однимъ условіемъ, но непреложнымъ, то есть, чтобы арміи его вышли за границу“. Какъ ни странно, но переправа непріятели черезъ Нѣманъ была для многихъ неожиданна. Придворно-гражданской главной квартирѣ вообще не вѣрилось, что война сейчасъ должна начаться, что она нѣкоторымъ образомъ уже началась; полумилліонная армія Наполеона подступила къ нашимъ границамъ, а министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцевъ не переставалъ утверждать, что все кончится демонстраціею. Непонятное выжиданіе, противъ котораго Барклай дѣлалъ столь горячія представленія еще въ началѣ апрѣля, продолжалось до послѣдней минуты и имѣло естественнымъ послѣдствіемъ, что многія, весьма нужныя распоряженія послѣдовали слишкомъ поздно. Этимъ объясняется, что лишь 3 (15) іюня было предписано корпуснымъ командирамъ принять мѣры для вывоза запасовъ или

истребленія тѣхъ, которыхъ пришлось бы оставить въ случаѣ отступленія, и что не прежде 12 (24) дано приказаніе вывести изъ Вильны казну и архивы. Многіе писатели обвиняютъ Барклая, что нѣкоторые запасы достались непріятелю; но во-первыхъ потеря эта была ничтожна, за исключеніемъ лишь колтынянскаго магазина, а во-вторыхъ распоряженія передъ войною зависѣли не отъ него. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что вѣсть изъ Ковно разразилась какъ громовой ударъ среди яснаго неба. „При общемъ смятеніи лица выражали внутреннее возбужденіе, безпокойство, озлобленіе“, пишетъ очевидецъ ¹⁾, и вся придворная квартира послѣшила выѣхать утромъ 14 (26) іюня изъ Вильно въ Свѣнцяны. Послѣшность эта не понравилась Барклаю ²⁾ уже потому, что могла быть замѣчена войсками, отступленію которыхъ онъ съ перваго же дня хотѣлъ придать совершенно другой характеръ. А потому, сдѣлавъ распоряженія о передвиженіи войскъ 1-й арміи съ цѣлью сближенія къ Свѣнцянамъ, онъ спокойно остался еще 2 дня въ Вильнѣ. Согласно этимъ распоряженіямъ войска двинулись: 1-й корпусъ къ Вилькомиру, гдѣ соединился съ 1-мъ кавалерійскимъ; 2-й корпусъ на Ширвинты; 3-й и 4-й корпуса на Вильно; 6-й пѣхотный и 3-й кавалерійскій корпуса на Ольшаны и Сморгонь; 2-й кавалерійскій корпусъ на Михалишки. Гвардія оставалась у Свѣнцянь. Атаману Платову Барклай въ то же время предписалъ отступать на соединеніе съ 1-ю арміею, стараясь при этомъ мелкими предпріятіями тревожить противника и затруднять его движеніе. Сообщая кн. Багратіону о концентрическомъ отступленіи всѣхъ войскъ 1-й арміи и приглашая его согласовать съ этимъ свои дѣйствія, Барклай, желавшій приблизить къ себѣ 2-ю армію, писалъ: „старайтесь, чтобы непріятель не могъ отрѣзать Вамъ дороги черезъ Минскъ къ Борисову, и оберегайте свой правый флангъ“. Инструкція эта, отправленная 15 (27) іюня изъ Вильны, 16-го получена Багратіономъ, который въ тотъ же день выступилъ по указанному направленію, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ 27 дивизіею, шедшею изъ Москвы на усиленіе 2-й арміи. Между тѣмъ Императоромъ Александромъ 16-го числа было также послано Багратіону повелѣніе сблизиться съ 1-ю арміею, но не черезъ Минскъ и Борисовъ, а черезъ Бѣлицу или Новогрудскъ на Вилейку; а потому Багратіонъ изъ Слонима свернулъ на Новогрудскъ и, присоединивъ къ себѣ 27 дивизію на Николаевъ, гдѣ сталъ переправляться черезъ Нѣманъ. Оказалось однако жъ, что дорога въ Вилейку уже въ рукахъ непріятеля. Тогда

¹⁾ Левенштернъ, *Denkwürdigkeiten eines Livländers*, стр. 164.

²⁾ Записки Вольцогена, стр. 99.

онъ успѣшилъ возвратиться на прежній путь, но не успѣлъ болѣе предупредить противника въ Минскѣ и двинулся къ Бобруйску, вслѣдствіе чего желаемое соединеніе его съ 1-ю арміею отодвинулось на мѣсяць.

Барклай выѣхалъ изъ Вильны 16 іюня съ арріергардомъ послѣднихъ войскъ, но не верхомъ, а въ каретѣ, что всѣхъ удивило, такъ какъ онъ никогда не совершалъ ни одного перехода иначе какъ верхомъ; здѣсь же онъ хотѣлъ показать, какъ передаютъ его приближенные ¹⁾, что отступленіе предпринято добровольно и не требуетъ спѣха. Вскорѣ французы настигли нашъ арріергардъ. У Антополя произошли схватки между ихъ конницею и казаками, при чемъ послѣдними десятокъ всадниковъ, въ томъ числѣ гр. Сегюръ, взяты въ плѣнъ. Черезъ четыре дня, 19-го (1-го іюля), главныя силы первой арміи прибыли въ Свѣянцы. Продолжительное пребываніе въ Вильнѣ и медленное движеніе войскъ сильно волновало Пфуля, опасавшагося, что Наполеонъ предупредитъ насъ въ Дриссѣ; по этому поводу онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Барклаю своего адъютанта Клаузевица, но послѣдній, какъ онъ самъ рассказываетъ, возвращался все съ тѣмъ же извѣстіемъ, „что главнокомандующій спокоенъ и снѣшить не хочетъ“. Другой рассказъ того же Клаузевица характеризуетъ тогдашнюю обстановку. Въ Видзахъ получено было въ Императорской главной квартирѣ извѣстіе о движеніи большихъ силъ въ обходъ нашего фланга, что произвело немалую тревогу. Пфуль, Аракчеевъ и Волконскій собрались у Государя для обсужденія дѣла и принятія рѣшенія; отъ перваго, какъ стратега, всѣ ожидали совѣта, но онъ, совершенно растерявшись, повторялъ только, что все произошло отъ медленности Барклая. Тогда адъютанты генераловъ, опасаясь ежеминутнаго появленія Монарха, рѣшились предложить имъ свое мнѣніе, заключавшееся въ томъ, чтобы ничего не предпринимать, а оставить все по-прежнему. Это мнѣніе, весьма простое и удобное, было тотчасъ принято; оно оказалось и самымъ лучшимъ, такъ какъ вскорѣ обнаружилось, что извѣстіе объ обходѣ ошибочно ²⁾. Подобные эпизоды и недоразумѣнія не ускользали отъ проницательности Императора Александра и должны были вызвать сомнѣнія относительно достоинствъ принятаго имъ плана дѣйствій. Движенія противника съ перваго же дня обнаружили, что предположенія Пфуля не оправдывались, и что назначеніе, данное Багратиону и Платову, неисполнимо. Это не могло не поколебать и вѣру въ несокрушимость Дрисскаго лагеря, въ

¹⁾ Левенштернъ, Вольцогенъ.

²⁾ General Carl von Clausewitz. Der Feldzug von 1812 in Russland.

особенности послѣ того, какъ возвратившійся оттуда 16-го (24-го) Клаузевицъ, вмѣсто восторженной похвалы, которую ожидали, весьма сдержано отозвался о выгодахъ осмотрѣнной имъ позиціи.

Дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ къ Дриссѣ совершилось безпрепятственно. Преслѣдованіе ихъ было возложено Наполеономъ на короля неаполитанскаго Мюрата, при чемъ происходили многочисленныя стычки, изъ которыхъ выдается лихая атака ротмистра Голева, пробившагося съ своимъ эскадрономъ при возвращеніи съ рекогносцировки черезъ три полка французской кавалеріи. Болѣе серьезное дѣло было 23-го іюня (5-го іюля) при Кочергишгахъ, гдѣ съ каждой стороны вышло изъ строя болѣе 200 ч. и въ числѣ взятыхъ нами плѣнныхъ оказался принцъ Гогенлое. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ наша кавалерія выказала столько отваги, что Барклай упоминаетъ о ней даже въ своей замѣткѣ изъ Бельмонта: „наша кавалерія, и что всего замѣчательнѣе, польская конница дралась съ необычайною храбростью“. Отступленіе войскъ нашего праваго фланга совершилось также легко. Прибывъ 15-го (27-го) іюня въ Вилькомирь и соединившись тамъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, Витгенштейнъ перешелъ черезъ Свенту подъ прикрѣпленіемъ арріергарда Кульнева, который 16-го (28-го) имѣлъ дѣло у Девельтово. Утромъ означеннаго числа передовая войска корпуса Удино, отряженнаго съ кирасирскою дивизіею Дюмерка противъ Витгенштейна, показались на дорогѣ въ Вилькомирь. Кульневъ съ двумя егерскими, Гродненскимъ гусарскимъ полками и 6 орудіями встрѣтилъ ихъ впереди Девельтово и затѣмъ продолжалъ бой на выгодной позиціи за означеннымъ пунктомъ. Далѣе гр. Витгенштейнъ, присоединивъ къ себѣ отрядъ Властова, шедшаго изъ Россіи, и транспорты Тельскаго и Шавлскаго магазиновъ, продолжалъ слѣдованіе къ Друѣ и переправился тамъ на правую сторону Двины. Отступленіе лѣваго фланга Барклая и войскъ 2-й арміи встрѣтило болѣе затрудненій; для уясненія ихъ необходимо взглянуть на дѣйствія противника.

Какъ уже сказано, планъ Наполеона заключался въ томъ, чтобы клинообразнымъ выдвиженіемъ своихъ войскъ разъединить наши западныя арміи и при этомъ отрѣзать лѣвый флангъ 1-й арміи отъ ея главныхъ силъ. Съ этою цѣлью собранныя имъ у Ковно силы уже 13-го (25-го) іюня двинулись на Вильно, за исключеніемъ войскъ маршала Удино, высланнаго противъ Витгенштейна. По занятіи 16-го (28-го) Вильны, Мюратъ, поддержанный корпусомъ Нея, послѣдовалъ за Барклаемъ; а гр. Нансуги съ двумя кавалерійскими и одною пѣхотною дивизіями отряженъ въ Михалишки на перерѣзъ

Дохтурову; въ то же время маршалъ Даву, съ 40.000 отрядомъ ¹⁾ направленъ на Вишневь и Воложинъ для прегражденія пути Багратиону. Между тѣмъ вице-король, переправившись 18-го (30-го) іюня черезъ Нѣманъ у Пренъ, двинулся со своимъ корпусомъ на Сморгони и направилъ корпусъ Сенъ-Сира въ Вильно, откуда сей послѣдній перешелъ вслѣдъ за французскою гвардіею въ Глубокое. Наконецъ, и король Іеронимъ выступилъ 22-го іюня (4-го іюля) со своими тремя пѣхотными и однимъ кавалерійскимъ корпусами изъ Гродно и Бѣлостока съ цѣлю атаковать Багратиона и отбросить его, при содѣйствіи маршала Даву, въ Полѣсье. Тѣмъ не менѣе превосходныя соображенія Наполеона ожидаемой пользы ему не принесли. Согласно полученнымъ отъ Барклая приказаніямъ, 6-й корпусъ Дохтурова долженъ былъ слѣдовать черезъ Сморгони на соединеніе съ главными силами арміи, а 3-й кавалерійскій корпусъ Палена получилъ назначеніе прикрывать этотъ фланговый маршъ. Дохтуровъ выступилъ 16-го (28-го) іюня по указанному направленію, избѣжавъ при этомъ столкновенія съ отрядомъ Нансуги. Паленъ же выступилъ 14-го (26-го) изъ Лиды и, выдвинувъ боковой отрядъ Крейца ²⁾ къ Ошмяны, прикрывалъ означенное движеніе, а потомъ послѣдовалъ за 6-мъ корпусомъ. Между тѣмъ полковникъ Крейцъ, найдя Ошмяны занятыми противникомъ, ворвался 17-го (29-го) на разсвѣтѣ въ городъ и вытѣснилъ изъ него французовъ: то былъ головной отрядъ колонны Даву. Вскорѣ онъ самъ былъ атакованъ превосходными силами и сталъ отступать въ видѣ арріергарда. Затѣмъ оба корпуса, войдя въ связь съ главными силами 1-й арміи, продолжали движеніе къ Дриссѣ. Менѣе удачными оказались предпріятія Дорохова и Платова, которые, вмѣсто предписаннаго соединенія съ первою арміею, примкнули къ второй. Генералъ Дороховъ, командовавшій авангардомъ IV корпуса ³⁾, отошелъ согласно данной ему инструкціи 15-го (27-го) іюня къ Олькеникамъ, гдѣ однакожь корпуса своего болѣе не засталъ. Того же 15-го числа адъютантъ Барклая, капитанъ Сеславинъ, былъ посланъ къ нему навстрѣчу съ приказаніемъ слѣдовать не на Вильно, откуда первая армія должна была на другой день выступить, а ближайшимъ путемъ на Михалишки ⁴⁾; но, по неизвѣстной причинѣ, это приказаніе получено Дороховымъ въ ночь на 17-е,

¹⁾ Пѣхотныя дивизіи: Дезе и Компанъ, кавалерійскія: Шастель, Лагуссе и бригады Пажоль и Бордусель, Валанса.

²⁾ 4 эскадрона Сибирскихъ драгунъ и 2 Мариупольскихъ гусарь.

³⁾ Полки: 1-й и 18-й егерскіе, Изюмскій гусарскій, два казачьихъ и рота артиллеріи.

⁴⁾ Исторія Отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 150.

когда назначенный ему путь не былъ болѣе свободенъ. Тогда Дороховъ свернулъ на Ольшаны, а узнавъ, что оттуда нельзя болѣе пробраться въ Михалишки, двинулся на Воложинъ на соединеніе съ второю арміею и послѣ утомительныхъ маршей вошелъ въ связь съ Платовымъ. Съ своей стороны атаманъ, отступивъ съ казачьимъ корпусомъ отъ Гродно къ Лидѣ, выступилъ оттуда 20-го іюня (2-го іюля) въ Ивіе, куда прибылъ лишь на другой день; получивъ 22-го извѣстіе о занятіи непріателемъ Вишнева, онъ свернулъ на Бакшты для сближенія съ Дороховымъ. Такимъ образомъ, и Дороховъ, и Платовъ, первый по неполученію отпращеннаго къ нему приказанія, послѣдній, вслѣдствіе медленности въ движеніяхъ, отклонились отъ предписанной имъ цѣли и присоединились 25-го іюня (7-го іюля) къ войскамъ второй арміи.

Между тѣмъ кн. Багратіонъ, возвращаясь съ Николаевской переправы, слѣдовалъ на Миръ, съ намѣреніемъ продолжать движеніе на Минскъ. Но въ Мирѣ онъ получилъ донесеніе Дорохова о появленіи у Минска французовъ. Тогда Багратіонъ, не рѣшаясь открыть себѣ дорогу силою, двинулся на Несвижъ, гдѣ 26-го (8-го) присоединилъ къ себѣ отрядъ Дорохова, а оттуда на Слуцкъ и Бобруйскъ. Прикрытіе этого движенія со стороны Новогрудска, куда въ то время уже подошли головныя войска короля Іеронима, было возложено на Платова, прибывшаго 25-го (7-го) въ Кареличи. Тамъ 26-го числа (8 іюля) между непріятельскою кавалеріею и казаками произошла схватка, послѣ которой атаманъ отошелъ къ Миру, гдѣ на слѣдующій день состоялся болѣе серьезный и весьма удачный бой: устроенная казаками засада имѣла результатомъ пораженіе трехъ полковъ уланской дивизіи Рожницкаго, потерявшихъ одними плѣнными 248 чел.¹⁾ На 28 (10) число можно было ожидать появленія болѣе значительныхъ силъ противника, а потому Платовъ былъ усиленъ 16-ю эскадронами генералъ-адъютанта Васильчикова. И дѣйствительно, на томъ же мѣстѣ, гдѣ происходилъ бой наканунѣ, Васильчиковъ былъ атакованъ шестью полками кавалеріи. Однакожъ дѣйствія обѣихъ сторонъ оставались долго безъ послѣдствій, пока совершенно неожиданно на флангѣ непріятеля показался казачій отрядъ генералъ-маіора Кутейникова, возвращавшійся съ поисковъ; это послужило сигналомъ къ дружному удару различныхъ частей нашей конницы, кончившемуся разсѣяніемъ противника. При дальнѣйшемъ отступленіи арріергардъ 2-й арміи, усиленный еще 5-мъ егерскимъ полкомъ, имѣлъ нѣсколько стычекъ около Несвижа и 2-го (14) іюля удачное дѣло у Романова,

¹⁾ Исторія отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 162.

гдѣ непріятель лишился 18 офицеровъ и 360 нижнихъ чиновъ плѣнными ¹⁾. Послѣ этого дѣла преслѣдованіе Багратіона прекратилось; войска Іеронима, поступившія подѣ начальство маршала Даву, получили другое назначеніе и потянулись: 8-й корпусъ (Вестфальскій) на Минскъ-Оршу, 5-й (польскій) и кавалерійскій Латуръ-Мобура на Игумень-Могилевъ, а 7-й (саксонскій) назадъ къ Слониму, откуда онъ былъ направленъ противъ Тормасова. Принятое главнокомандующимъ 2-й арміи въ Мирѣ рѣшеніе уклониться отъ боя, которымъ бы онъ могъ проложить себѣ путь къ 1-й арміи, объяснялось имъ тѣмъ, что ему было предписано: „избѣгать рѣшительныхъ сраженій съ сильнѣйшимъ непріателемъ“. Что маршалъ Даву имѣлъ при себѣ лишь двѣ дивизіи, ему могло быть неизвѣстно; но онъ почему-то полагалъ, что вся армія Наполеона противъ него, и бранилъ Барклая за то, что 1-я армія не атакуетъ ее для отвлеченія хоть бы части ея силъ отъ 2-й арміи ²⁾. Потеря времени, причиненная разногласіемъ въ направленіи, указанномъ Барклаемъ и предписанномъ Государемъ, отчего Багратіонъ не успѣлъ предупредить противника въ Минскѣ, а затѣмъ и непонятная осторожность, побудившая его свернуть на Бобруйскъ, имѣли послѣдствіемъ, что 1-я армія должна была сообразовать свои дальнѣйшія дѣйствія съ кружными и продолжительными движеніями 2-й арміи. Но всѣ эти случайныя и непредвидѣнныя обстоятельства намъ вреда не нанесли, тогда какъ Наполеонъ долженъ былъ убѣдиться, что искусныя комбинаціи остались безъ результатовъ. Ни Дохтуровъ не былъ задержанъ, ни Дороховъ не былъ захваченъ, ни Багратіонъ не подвергся катастрофѣ. Послѣдняя неудача особенно возбуждала негодованіе Императора противъ своего брата, котораго онъ обвинялъ въ медленности и несогласованіи своихъ движеній съ дѣйствіями Даву, а потому онъ подчинилъ его этому маршалу, на что Іеронимъ отвѣтилъ отъѣздомъ въ свою резиденцію Кассель. Между тѣмъ усиленные марши по дурнымъ дорогамъ чрезвычайно утомили французскія войска и до-нельзя затруднили продовольствіе. Уже 17 (29) іюня наступили проливные дожди, а затѣмъ послѣдовала невыносимая жара; обозы разстроились и до того отстали, что отрядъ короля Іеронима остался безъ хлѣба и соли; другія части, въ особенности корпусъ пр. Евгенія, потеряли множество лошадей, преимущественно артиллерійскихъ. Теперь наступило какъ бы общее временное затишье.

Между тѣмъ, 27—29 іюня (9—11 іюля) первая армія вступила

¹⁾ Тамъ же, стр. 209.

²⁾ Письмо кн. Багратіона ген. Ермолову.

въ Дрисскій лагерь. Благодаря медленности отступленія Барклая, Витгенштейнъ и Дохтуровъ спокойно съ нимъ соединились. Первый переправившійся 28 іюня (10 іюля) на правую сторону Двины у Друи, гдѣ онъ былъ усиленъ резервами въ числѣ 2.200 ч. пѣхоты и 1.300 ч. кавалеріи, занялъ позицію противъ Леонполя, на продолженіи праваго фланга лагерь. Дохтуровъ расположился на продолженіи лѣваго фланга укрѣпленій. Прочія войска заняли самый лагерь въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й корпусъ на правомъ флангѣ, 3-й корпусъ въ центрѣ, 4-й корпусъ на лѣвомъ флангѣ; за ними три кавалерійскіе и гвардейскій корпуса. Высочайшимъ приказомъ отъ 27 іюня (9 іюля) августѣйшій вождь возвѣщалъ своимъ войскамъ, что они „достигли той цѣли, къ которой стремились, и соединились на мѣстѣ предназначеномъ“. Да, цѣль была достигнута, та самая цѣль, которая издалека и на бумагѣ представлялась кабинетнымъ стратегамъ несокрушимою твердынею, о которую всѣ усилія врага разбивались въ прахъ. Но чѣмъ оказалась эта твердыня вблизи и въ дѣйствительности?

Укрѣпленный лагерь находился на лѣвомъ берегу Двины, образующей немного ниже Дриссы колѣно, которое огибаетъ тылъ позиціи; фронтъ сей послѣдней имѣлъ болѣе 4 в. протяженія, а глубина, у центра, до 3 в. Пространство это пересѣчено оврагами, затрудняющими сообщенія, движенія резервовъ и спуски къ рѣкѣ. Для укрѣпленія позиціи были возведены редуты и люнеты съ батареями, палисадами и засѣками: въ 1 линіи 10, во 2 лин. 6, въ 3 лин. 1, а для защиты 4 мостовъ тетъ-де-поны. Передъ фронтомъ мѣстность отчасти лѣсистая, мѣстами болотистая, а въ тылу—открытая и доступная. Такимъ образомъ, предположенное Пфүлемъ выдвиженіе изъ лагерь 70.000 войскъ для атаки той или другой части непріятельской арміи, если бы даже разность въ численности сторонъ тому не препятствовала, оказалось бы затруднительнымъ, тогда какъ подступы непріятеля съ фронта прикрывались лѣсомъ, а съ тыла ничѣмъ не были обороняемы. Но въ какомъ положеніи находилась бы въ этомъ лагерѣ наша I армія, въ которой и тогда считалось около 110.000 ч., если бы она была окружена войсками Наполеона, вице-короля Италійскаго и почти всей бывшей арміи Іеронима, численность которыхъ превышала 250.000 ч. Что укрѣпленный лагерь могъ имѣть большое значеніе, признавалъ и Барклай, но только въ смыслѣ конечнаго пункта продолжительнаго упорнаго отступленія арміи, выдвинутой для встрѣчи противника за Кенигсбергъ, точно также какъ укрѣпленный лагерь у Кіева могъ служить конечнымъ опорнымъ пунктомъ отступленія II арміи отъ Варшавы. Когда же выдвиженіе армій было отклонено,

и Пфулю поручено выработать свой операционный планъ, Дрисскій укрѣпленный лагерь могъ только вовлечь въ преждевременный бой. Неудивительно потому, что и теперь, за нѣсколько дней до вступленія арміи въ лагерь, Барклай попытался еще разъ отклонить Монарха отъ рокового рѣшенія ¹⁾. Вслѣдствіе ли его представленія или по другой причинѣ, флигель-адъютантъ полковникъ Мишо, отличный инженеръ, перешедшій изъ сардинской службы въ русскую, былъ тотчасъ посланъ для осмотра укрѣпленного лагеря, и уже 27 іюня Императоръ отправился лично для его обозрѣнія. Сопровождавшій его генераль Пфуль объяснилъ выгоды позиціи и значеніе укрѣпленій, которыя показались весьма слабыми, а потому и объясненія его повидимому никого не удовлетворили; Государь старался разгадать мысли окружавшихъ его генераловъ, но кромѣ недовѣрія на лицахъ ихъ ничего прочесть не могъ. Однакожь ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день перемѣны въ главныхъ распоряженіяхъ не послѣдовало, такъ что Барклай 28 іюня писалъ женѣ изъ Дриссы: „Я привелъ сюда армію, потому что Государь этого желалъ, и теперь ожидаю, что будетъ далѣе“ ²⁾. Между тѣмъ трудное положеніе Пфуля стало, послѣ состоявшагося и всѣхъ разочаровавшаго обозрѣнія лагеря, невыносимымъ; какъ честный человѣкъ, онъ не могъ не чувствовать, что нравственная отвѣтственность за очевидную опасность, въ которую вовлечена армія, падаетъ на него; а потому, и уступая убѣжденіямъ столь близкаго ему Клаузевица, онъ рѣшился испросить у Государя аудіенцію и выразить ему необходимость возложить главное и самостоятельное начальство войскъ на Барклая-де-Толли ³⁾. Это значило отказаться отъ своего плана и признать его несостоятельность. Императоръ Александръ принялъ Пфуля съ тою рыцарскою вѣжливостью, которая всегда его отличала, и отнесся къ его заявленію весьма благосклонно. Нѣтъ сомнѣнія, что Монархъ и самъ пришелъ къ такому же заключенію, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ выдающихся лицъ его свиты были проникнуты убѣжденіемъ, что особѣ Монарха не слѣдуетъ подвергаться какимъ бы то ни было случайностямъ войны, предвидѣть которыя невозможно, и что трое изъ нихъ: Балашевъ, Аракчеевъ и Шишковъ подали Государю убѣдительную записку въ этомъ смыслѣ ⁴⁾. Тогда, 29 іюня, Императоромъ Александромъ былъ собранъ военный совѣтъ для обсужденія и рѣшенія вопроса: оборо-

¹⁾ Представленіе Барклая-де-Толли отъ 25 іюня изъ Бельмонта.

²⁾ Письмо Барклая-де-Толли къ женѣ отъ 28 іюня 1812 г.

³⁾ Этотъ разсказъ столь правдиваго Клаузевица подтверждается, какъ лучшій исходъ для Пфуля изъ тяжелаго его тогда положенія.

⁴⁾ Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Т. III, стр. 86—88.

нять ли Дрисскій лагерь или нѣтъ. Въ совѣтъ приняли участіе: Барклай, Аракчеевъ, принцъ Ольденбургскій, Волконскій и Вольцогенъ, послѣдній какъ представитель отсутствовавшего Пфуля. Совѣщанію предшествовалъ докладъ полковника Мишо объ осмотрѣнныхъ имъ укрѣпленіяхъ. Затѣмъ Барклай, не отрицая выгодъ укрѣпленной позиціи для всякаго отряда, вынужденнаго дать отпоръ болѣе сильному противнику, изобразилъ положеніе арміи, замкнутой въ такой позиціи и окруженной войсками, превышающими ее болѣе чѣмъ вдвое. Въ такое положеніе была бы поставлена I армія, а потому очевидный разгромъ ея, хотя бы съ равносильною потерей непріятели, лишилъ бы насъ главной опоры для дальнѣйшаго веденія войны. Въ виду сохраненія арміи для будущихъ дѣйствій онъ настаивалъ на необходимости вывести ее изъ Дрисскаго лагеря. Съ его мнѣніемъ согласились всѣ прочія лица, не исключая даже Вольцогена, отъ котораго ожидали горячей защиты лагеря. Въ состоявшемся тогда постановленіи совѣта не было однако указано, куда направить армію. По Михайловскому-Данилевскому было опредѣлено „взять какое-нибудь другое направленіе“¹⁾. Такое странное рѣшеніе можетъ быть объяснено намѣреніемъ Императора Александра предоставить главнокомандующему полную свободу дѣйствій и желаніемъ сохранить въ тайнѣ задуманный Барклаемъ и вѣроятно сообщенный имъ совѣту планъ фланговаго движенія на Витебскъ. Что онъ передъ тѣмъ уже имѣлъ такой планъ, усматривается изъ того, что на вопросъ Аракчеева относительно продовольствія арміи, Барклай отвѣтилъ, что таковое обезпечено Велижскимъ магазиномъ. Потаенныя мысли его находимъ также въ письмѣ къ женѣ отъ того же 29 іюня, въ которомъ читаемъ: „Непріятель выдвинулъ часть своихъ превосходныхъ силъ между 1-ю и 2-ю арміею съ цѣлью открыть себѣ дорогу въ сердце Россіи. Съ Божіею помощью я надѣюсь, что это будетъ предотвращено; я нахожусь теперь на скользкомъ пути, на которомъ многое зависитъ отъ счастья. Если Господь даруетъ успѣхъ предпріятію, которое я имѣю въ виду, то я заслужу справедливую благодарность отечества,—твоя молитва и наше искреннее упованіе на Бога помогутъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ“²⁾. Задуманное Барклаемъ столь смѣлое фланговое движеніе совершено имъ, какъ увидимъ, вполне благополучно.

Въ числѣ лицъ, находившихся при Императорѣ Александрѣ, былъ

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны 1812 года, I, стр. 226.

²⁾ Письмо Барклая-де-Толли къ женѣ, отъ 29 іюня (11 іюля) 1812 года.

также принцъ Александръ Виртембергскій, который, будучи витебскимъ генераль-губернаторомъ, былъ посвященъ главнокомандующимъ въ его намѣренія. Принцъ хорошо зналъ окрестности своей резиденціи и могъ сообщить послѣднему, что вблизи города имѣется позиція, весьма выгодная для принятія боя. Это какъ нельзя болѣе соответствовало видамъ Барклая, надѣявшагося соединиться подъ Витебскомъ съ кн. Багратиономъ и дать тамъ сраженіе ¹⁾. Въ тотъ самый день, когда состоялось рѣшеніе отказаться отъ прежняго операціоннаго плана, Императоръ Александръ оставилъ I армию и поѣхалъ на нѣсколько дней въ Полоцкъ, а затѣмъ навстрѣчу II арміи, когда же это оказалось неисполнимымъ—прямо въ Москву. Выѣзжая изъ Дриссы, Государь заѣхалъ къ Барклаю, пробылъ у него болѣе часа, крѣпко обнялъ при разставаніи и, пожимая руку, сказалъ; „прощайте и еще разъ прощайте; оставляю мою армию на Вашемъ попеченіи, не забывайте никогда, что она у меня одна“ ²⁾. Послѣднія распоряженія, тогда послѣдовавшія, заключались въ слѣдующемъ: Дунайской арміи Чичагова повелѣно двинуться на Волынь для соединенія съ арміею Торماسова, которому предписано дѣйствовать наступательно. Къ 12 полкамъ, вновь формируемымъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, приказано генералу Клейнмихелю образовать еще 6 полковъ изъ рекрутскихъ депо. Милорадовичу предписано сформировать изъ рекрутскихъ депо въ Калугѣ корпусъ въ 55 баталіоновъ, 26 эскадроновъ и 14 ротъ артиллеріи. Объявленъ манифестъ о наборѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ по 5 рекрутъ съ 500 душъ. Наконецъ, изданъ манифестъ о всеобщемъ ополченіи. По этому послѣднему поводу Государь писалъ Барклаю еще 27 іюня: „Я рѣшился призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго требуетъ самая вѣра. Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ испанцамъ“. Тогда же состоялись перемѣны въ личномъ составѣ главнаго штаба арміи, о чемъ уже было упомянуто, а именно замѣна начальника шт. Лаврова и вре-

¹⁾ М. Богдановичъ пишетъ въ своей исторіи войны 1812 г. Ч. I, стр. 172: По предложенію герцога Александра Виртембергскаго, поддержанному Барклаемъ, принято направленіе къ Витебску, гдѣ I-я армія, занявъ выгодную позицію, должна была соединиться со второю. Здѣсь очевидно недоразумѣніе. Герцогъ къ совѣщанію не привлеченный, никакого предложенія сдѣлать не могъ; но ему, какъ витебскому генераль-губернатору, принятое рѣшеніе было немедленно сообщено Барклаемъ, при чемъ онъ и рекомендовалъ позицію на знакомой ему мѣстности. Въ такомъ смыслѣ переданъ этотъ эпизодъ и въ „Запискахъ гр. Толя“ Бернарди, ч. I, стр. 301.

²⁾ *Denkwürdigkeiten eines Livländers* W. v. Lowenstern.

менно исправлявшего его должность Паулуччи, генераломъ Ермоловымъ и генераль-квартирмейстера Мухина полковникомъ Толь. Мнѣніе Барклая о своемъ ближайшемъ сотрудникѣ неизвѣстно. Ермоловъ относился къ нему почтительно и дѣлалъ даже видъ, что ему преданъ, а потому благородный Барклай не могъ подозрѣвать въ немъ скрытаго врага; достовѣрно только то, что онъ ему не довѣрялъ, съ нимъ не сближался и не совѣтовался. Ермоловъ въ своихъ запискахъ говоритъ, конечно, другое; онъ много рассказываетъ о поданныхъ имъ совѣтахъ и предложенныхъ планахъ, но и тѣ и другіе остались для всѣхъ неизвѣстными. Точно также оказываются вымышленными повѣствованія его о неудовольствіи Барклая противъ Толя, „получившаго, не взирая на его, Ермолова, заступничество, приказаніе выѣхать изъ арміи и отправившагося въ Москву, гдѣ остался безъ всякой должности“ ¹⁾. Не могъ однакожъ начальникъ штаба, Ермоловъ, не знать, что съ его ежедневнымъ сотрудникѣмъ, генераль-квартирмейстеромъ Толемъ, ничего подобнаго не было.

Полковникъ Толь, получившій тогда же назначеніе и. д. генераль-квартирмейстера, былъ отличный офицеръ генеральнаго штаба, съ выдающимися дарованіями, основательными свѣдѣніями, твердою волею и благороднымъ характеромъ. Если бы при этомъ онъ обладалъ достаточнымъ тактомъ, то вѣроятно и отношенія его къ Барклаю были бы тѣснѣе; но честный и правдивый Толь хотя не всегда взвѣшивалъ слова въ своихъ представленіяхъ главнокомандующему, не зналъ другихъ побужденій, какъ чувство долга и пользу дѣла.

„По отъѣздѣ Государя изъ арміи, Барклай, какъ рассказываетъ очевидецъ ²⁾, сдѣлался, если возможно, еще спокойнѣе и положительнѣе въ своихъ распоряженіяхъ. Вокругъ него все измѣнилось какъ по волшебному знаку. Приемная, съ нѣкотораго времени опустѣвшая, снова наполнилась тѣми же лицами, которыя сейчасъ только его такъ порицали. Но онъ, холодный и спокойный, какъ всегда, не показалъ ни малѣйшей перемѣны въ обращеніи и обошелся со своими недоброжелателями столь же учтиво, какъ всегда. При всемъ своемъ спокойствіи Барклай не могъ однако не сознавать всю тяжесть своего положенія: успѣхъ задуманнаго предпріятія зависѣлъ отъ дѣйствій не одной только первой арміи, которой онъ остался полнымъ хозяиномъ, но и второй, ему не подчинен-

¹⁾ Записка А. П. Ермолова, изд. 1863 г., стр. 72.

²⁾ Воспоминанія тогдашняго адъютанта Барклая, генерала Левенштерна. *Denkwürdigkeiten eines W. v. Livänders.* стр. 180—181.

ной. Вопросъ объ общемъ командованіи опять остался открытымъ и по отъѣздѣ Государя; этому отъѣзду старались даже придать видъ временнаго отсутствія и, какъ бы въ подтвержденіе этого, военная свита была оставлена. Такимъ образомъ, успѣхъ дѣла много зависѣлъ отъ доброй воли кн. Багратіона на котораго приходилось дѣйствовать убѣжденіями и просьбами. Честный воинъ и горячій патриотъ, Багратіонъ, не былъ, конечно, способенъ вредить дѣлу изъ-за личныхъ побужденій, но онъ не въ состояніи былъ обнять и обсудить общее положеніе. „Непріятеля войска бы шапками закидали“, писалъ онъ Ермолову 3 іюля, „мы проданы, я вижу, насъ ведутъ на гибель“. И даже гораздо позже, 29 іюля, когда положеніе дѣла вполнѣ уже выяснилось, писалъ: „не понимаю Вашихъ мудрыхъ маневровъ. Мой маневръ искать и бить“. Къ тому же Багратіонъ и самъ добивался главнаго командованія; это ясно высказано въ концѣ того же письма: „Но что мнѣ еще писать Государю, самъ не вѣдаю. Я писалъ, что соединился, просилъ, чтобъ одному быть начальникомъ, а не двумъ. Если написать мнѣ прямо, чтобы далъ обѣими арміями мнѣ командовать, тогда Государь подумаетъ, что я сего ищу не по моимъ заслугамъ и талантамъ, но по единому тщеславію“. На какое послѣ этого содѣйствіе могъ рассчитывать Барклай, чтобы совокупными дѣйствіями битва становилась возможною. Барклай горѣлъ желаніемъ сразиться, но не считалъ себя въ правѣ этого исполнить до наступленія возможности одержать побѣду или пріобрѣсть успѣхъ, а что для этого требовалось болѣе мужества и самоотверженія, Багратіоны того времени не постигали.

Послѣ 3-хъ дневнаго пребыванія въ Дрисскомъ лагерѣ, 2-го (14) іюля, войска I арміи незамѣтно перешли на правый берегъ Двины; на лѣвомъ берегу остались для маскированія переправы и наблюденія только 2-й и 3 кавалерійскіе корпуса. Для полученія же вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, на слѣдующій день, 3 (15) іюля авангардомъ 1-го арм. корпуса была произведена рекогносцировка за р. Друю, при чемъ казаки и гродненскіе гусары подполковника Ридигера атаковали и преслѣдовали встрѣченную ими французскую кавалерію 15 верстъ и захватили 144 ч. въ плѣнъ, въ томъ числѣ генерала Сенъ-Женъе и 3 офицеровъ ¹⁾).

Около того же времени, т. е. въ первыхъ числахъ іюля, происходили также дѣйствія у Динабурга. Заложенная тамъ крѣпость

¹⁾ Кромѣ того, непріятель лишился убитыми и ранеными около 300 чел.; съ нашей стороны вышло изъ строя 75 чел. Исторія отеч. войны М. Богдановича, I, стр. 173.

не представляла еще какой-либо преграды, но предме́стное укрѣпленіе уже находилось въ оборонительномъ положеніи и было занято нѣсколькими, хотя и весьма слабыми, запасными баталіонами. Этимъ-то укрѣпленіемъ французы (изъ корпуса Удино) нѣсколько разъ пытались овладѣть, но были отбиты. Въ то время больные и казенное имущество вывозились изъ Динабурга, и только 15 (27) іюля, когда передовыя войска Макдональда стали подходить изъ Курляндіи, командовавшій тамъ генераль Гаманъ началъ медленно отступать къ Дриссѣ.

Дѣла у Дриссы и Динабурга утвердили, повидимому, противника въ мнѣніи, что мы будемъ отстаивать Дрисскій лагерь; по крайней мѣрѣ, ничего не было предпринято для затрудненія нашего движенія въ Витебскъ, что Клаузевицъ ставилъ Наполеону въ большую ошибку ¹⁾. Послѣдній и самъ сознавалъ ее, но приписалъ это злему року: „Во всей этой войнѣ“, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾, „я находился подъ вліяніемъ дурного генія, порождавшаго въ рѣшительныя минуты препятствія, которыя не могли быть предусмотрѣны. Могъ ли я предвидѣть, что русская армія не останется болѣе 3 дней въ лагерь, стоявшемъ нѣсколько мѣсяцевъ работы и огромныхъ суммъ“.

Оставивъ Витгенштейна у Дриссы для прикрытія путей въ Петербургъ, Барклай двинулся 4 (16) іюля съ прочими войсками къ Витебску. Въ головѣ шелъ I кавалерійскій корпусъ Уварова, въ хвостѣ—6-й корпусъ Дохтурова; прикрытіе движенія было возложено на 2-й и 3-й кавал. корпуса бар. Корфа и гр. Палена, перешедшіе черезъ Двину у Дриссы и Дисны 3-мя днями позже. 7-го (19) ч. I армія имѣла въ Полоцкѣ дневку за исключеніемъ корпуса Уварова, высланнаго впередъ для занятія и прикрытія Витебска; а 11-го (23) іюля выступили туда и главныя силы. По прибытіи въ Витебскъ армія расположилась: III, IV и V пѣхотные и I кавалерійскій корпуса—на лѣвомъ берегу Двины, по р. Лучосѣ, на рекомендованной герцогомъ А. Виртембергскимъ позиціи; II пѣхотный и II кавалерійскій—на правой сторонѣ рѣки у города; VI пѣхотный Дохтурова, слѣдовавшій за арміею въ разстояніи перехода, у стараго села на Полоцкой дорогѣ; III кавалерійскій корпусъ Палена—въ полупереходѣ отъ послѣдняго, въ видѣ арріергарда.

Въ Витебскѣ было получено извѣстіе, что передовыя войска кн. Багратіона вступили въ Могилевъ. Обрадованный Барклай считалъ соединеніе армій обеспеченнымъ и надѣялся, какъ писалъ

¹⁾ Der Feldzug von 1812 in Russland.

²⁾ Vie politique et militaire de Napoléon. Ч. IV, стр. 70—71.

смоленскому губернатору, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но вскорѣ пришло другое извѣстіе, пояснявшее, что вступленіе означенныхъ войскъ въ Могилевъ еще не состоялось, а со дня на день ожидается. Тогда Барклай рѣшился движеніемъ отряда на Оршу содѣйствовать операціямъ своего товарища. Для исполненія этого намѣренія нужно было притянуть къ себѣ Дохтурова и Палена и получить достовѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Съ этою послѣднею цѣлью уже 12-го (24) ч. были высланы отряды: Тучкова 3—на Бабиновичи, Орлова-Денисова—на Сѣнно, и корпусъ гр. Остермана-Толстого, усиленный четырьмя кавалерійскими полками,—къ Островно. Отряженіе столь значительныхъ силъ къ Островно было вызвано донесеніями передовыхъ постовъ о приближеніи большихъ массъ противника къ Бѣшенковичамъ. Увѣдомляя главнокомандующаго второю арміею о своемъ намѣреніи и приглашая его къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ, Барклай счелъ нужнымъ послать къ нему флигель-адъютанта Вольцогена и просить его согласоваться съ операціями первой арміи и сообщить о своихъ дѣйствіяхъ. Опасаясь, какъ бы самолюбіе старшаго въ чинѣ не повліяло на его рѣшенія, онъ писалъ князю: „Передъ мыслью, что намъ ввѣрена защита отечества въ нынѣшнее рѣшительное время, умолкнуть всѣ прочія разсужденія и все то, что въ обыкновенное время могло бы повліять на взаимныя отношенія: голосъ отечества призываетъ насъ къ согласію, которое есть вѣрнѣйшій залогъ нашихъ успѣховъ. Соединимся и сразимъ врага Россіи. Отечество благословитъ согласіе наше ¹⁾“.

Между тѣмъ французская армія также двигалась къ Витебску. Мюратъ, получивъ извѣстіе объ оставленіи русскими укрѣпленнаго лагеря и отступленія къ Полоцку, отрядилъ корпусъ Удино съ кавалерійскою дивизіею Дюмерка къ Дриссѣ и двинулся съ остальными силами—корпусъ Нея, три дивизіи корп. Даву, кавал. корпуса Нансути и Монбрюнъ—къ Диснѣ. Тамъ онъ перевелъ Монбрюна на правый берегъ Двины и самъ продолжалъ движеніе на Бѣшенковичи, куда между тѣмъ прибыли головныя войска принца Евгенія. Къ тому времени, 12 (24) іюля, подошли туда остальныя войска вице-короля, корпусъ Сень-Сира, старая гвардія, молодая гвардія, гвардейская кавалерія и кавал. корпусъ Груши. Вечеромъ 12 (24) іюля пріѣхалъ въ Бѣшенковичи и самъ Наполеонъ, который тотчасъ приказалъ навести мостъ черезъ Двину и произвести рекогносцировку на правомъ берегу рѣки; удостовѣрившись, что

¹⁾ Отношеніе Барклая отъ 13 (25) іюля. Записки Толя, издан. Бернарди. Ч. I, стр. 314—315.

русская армія уже у Витебска, онъ поручилъ Монбрюну дальнѣйшее наблюденіе за Паленомъ и Дохтуровымъ и сталъ готовиться къ устремленію всѣхъ собранныхъ имъ силъ на Барклая. При такихъ обстоятельствахъ предположенное движеніе нашей I арміи на Оршу для возможнаго соединенія съ II арміею сдѣлалось невыполнимымъ. Но что предпринять? Продолжать отступленіе—это значило отказаться надолго отъ содѣйствія кн. Багратіона; принять сраженіе—это значило драться одному противъ двухъ и подвергнуться вѣрному пораженію. Барклай нашелъ другой исходъ изъ этого труднаго положенія, исходъ, соотвѣтствовавшій принятому имъ общему способу дѣйствій противъ превосходныхъ силъ Наполеона: онъ сталъ дѣлательно готовиться къ битвѣ, съ твердымъ намѣреніемъ уклониться отъ рѣшительнаго боя, если къ участію въ таковомъ не прибудетъ II армія. Въ обоихъ случаяхъ, какъ пишетъ Барклай съ собственноручныхъ замѣткахъ, онъ вынуждалъ Наполеона терять время на изнурительныя передвиженія своихъ главныхъ силъ къ Витебску и привлеченіе туда отъ Могилева прочихъ войскъ Даву, что съ другой стороны облегчало кн. Багратіону переправиться черезъ Днѣпръ и спѣшить къ соединенію съ I арміею.

Въ 7 верстахъ отъ Витебска головной отрядъ гр. Остермана встрѣтился съ передовыми войсками Нансути; послѣднія повернули назадъ и, преслѣдуемая нашею кавалеріею, отошли за Островно. Не доходя этого пункта, Остерманъ остановился и занялъ позицію по обѣ стороны дороги, примыкая флангами къ болотамъ и лѣсистой мѣстности. Отрядъ его состоялъ изъ 23 бат., 28 эскад. и 70 орудій¹⁾. Рано утромъ 13 (25) іюля Мюратъ выдвинулъ къ Островно всю кавалерію Нансути, которой былъ приданъ полкъ егерей; впереди шла бригада Пире. Съ нашей стороны вышли впередъ безъ всякой предосторожности два эскадрона лейбъ-гусаръ, за которыми слѣдовали 6 конныхъ орудій; какъ только французы ихъ замѣтили, они бросились въ атаку, разсѣяли гусаръ и захватили орудія. Между тѣмъ вся бригада Пире стала развертываться; она строилась еще въ боевой порядокъ, когда на правомъ ея флангѣ показался нашъ Нѣжинскій полкъ; однако два полка французской кавалеріи успѣли броситься на нашихъ драгунъ, опрокинули ихъ и взяли до 200 ч. въ плѣнъ. За то другіе два полка корпуса Нансути, вышедшіе изъ Островно и кинувшіеся на пѣхоту Остермана, были разстроены встрѣтившимъ ихъ сильнымъ огнемъ и по-

¹⁾ II-я пѣх. дивизія Бахметьева 2-го, 23-я пѣх. див. Бахметьева 1-го; Изюмскій, Сумскій и лейбъ-гусарскій, Ингерманландскій и Нѣжиноскій драгунскіе полки; 6 р. пѣх. и 6 р. кон. артиллеріи.

несли большія потери. Корпусъ Остермана занималъ двѣ линіи: въ первой стояла II-я дивизія въ развернутомъ фронтѣ, во второй 23-я дивизія въ баталіонныхъ колоннахъ и кавалерія; впереди 1-й линіи расположились батареи. Противъ этихъ батарей и нашей стрѣлковой цѣпи были разсыпаны французскіе егеря. Графъ Остерманъ приказалъ тогда тремъ баталіонамъ лѣваго фланга отгѣснить ихъ, что однакожь не удалось исполнить, такъ какъ нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи, какъ только баталіоны начали движеніе, появились на ихъ флангѣ. Другія попытки Остермана противъ обоихъ фланговъ Мюрата остались безъ послѣдствій въ виду большого перевѣса послѣдняго въ кавалеріи. Впрочемъ, задача его заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы замедлять и затруднять наступленіе противника; до полудня исполнить это было нетрудно, но тогда прибыла въ Островно вся дивизія Дельзона, т. е. 19 баталіоновъ, такъ что превосходство общихъ силъ уже въ несоразмѣрной степени перешло на сторону французовъ. Тѣмъ не менѣе гр. Остерманъ, стойкость котораго составляла отличительную черту его боевыхъ качествъ, продолжалъ спокойно отстаивать свою позицію. Главнокомандующій прислалъ къ нему въ это самое время три полка кавалеріи на помощь, но они не были введены въ дѣло. Съ другой стороны и дивизія Дельзона была такъ утомлена успѣшнымъ переходомъ, что должна была ограничиться выдвиженіемъ своей артиллеріи. Такимъ образомъ, Остерманъ, не взирая на большія потери, понесенныя нѣкоторыми полками отъ артиллерійскаго огня, продержался до ночи. Сюда относятся его изреченія, пріобрѣвшія столь большую извѣстность: на донесеніе о большомъ уронѣ отъ непріятельской картечи и вопросъ что дѣлать, онъ отвѣчалъ „ничего не дѣлать, стоять и умирать“; а на докладъ батарейнаго командира, что много убито канонировъ и есть подбитыя орудія, какъ графъ прикажетъ поступить, послѣдній сказалъ: „стрѣлять изъ остальныхъ“. Барклай-де-Толли, которому ходъ дѣла былъ ежечасно сообщаемъ своими адъютантами ¹⁾, счелъ, однако жъ, нужнымъ смѣнить корпусъ Остермана другимъ отрядомъ. Въ тотъ же день 3 дивизія Коновницына, усиленная нѣсколькими кавалерійскими полками, была выслана по дорогѣ къ Островно и расположена въ 11 верстахъ отъ Витебска на хорошей позиціи, фронтъ которой былъ прикрытъ оврагомъ, правый флангъ Двиною, а лѣвый болотистымъ лѣсомъ. Коновницынъ получилъ приказаніе пропустить войска Остермана и Уварова и

¹⁾ Левенштернъ и Сеславинъ.

преградить неприятелю дальнѣйшее наступленіе; Остерманъ же получилъ предписаніе сняться на разсвѣтъ съ бивака и, отойдя за позицію Коновницына, составить резервъ. Утромъ 14 (26) іюля король Неаполитанскій двинулся съ войсками Нансуги и вице-короля Италійскаго по Витебской дорогѣ и въ 8 ч. подошелъ къ позиціи Коновницына. Вскорѣ по всей линіи завязался бой. Сначала неприятель попытался сильнымъ огнемъ поколебать стойкость нашихъ войскъ; затѣмъ пѣхота вице-короля двинулась въ атаку обоихъ фланговъ, при чемъ нѣсколько эскадроновъ стали обходить нашу позицію по бродамъ Двины. Атака лѣваго фланга была отбита; на правомъ же флангѣ наши баталіоны подались назадъ. Тогда Коновницынъ выдвинулъ свой резервъ, усиленный двумя полками II дивизіи, и снова оттѣснилъ противника; при этомъ одинъ изъ его баталіоновъ увлекся за оврагъ и подвергся нападенію неприятельской кавалеріи. Это послужило сигналомъ общему наступленію французовъ, принудившихъ, наконецъ, нашъ отрядъ отходить къ Витебску; дальше всѣхъ оставался на мѣстѣ центръ и не покидавшая своей позиціи артиллерія; послѣдняя подверглась даже большой опасности отъ бросившейся на нее кавалеріи, но храбрые Перновцы и Кексгольмцы отстояли ее, а Черниговцы выхватили даже изъ рукъ французовъ уже захваченныя ими три орудія. Отступленіе Коновницына послѣдовало затѣмъ въ совершенномъ порядкѣ, и Мюратъ, увидя за нимъ войска Остермана готовыми къ бою, не отважился его преслѣдовать. Съ прибытіемъ Наполеона дѣйствія возобновились, но не имѣли послѣдствій. Коновницынъ остался до 5 ч. у селенія Комары, а затѣмъ послѣдовалъ на соединеніе съ своимъ 3-имъ корпусомъ, который, какъ и войска Остермана, Уварова, Дохтурова и Палена, примкнулъ къ главнымъ силамъ арміи. Для прикрытія же послѣдней былъ назначенъ особый отрядъ изъ 8 баталіоновъ пѣхоты, почти всей легкой кавалеріи и 2-хъ казачьихъ полковъ подъ начальствомъ гр. Палена, который расположился на позиціи на лѣвой сторонѣ Лучесы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главныхъ силъ:

Дѣла 13 (25) и 14 (26) іюня, въ которыхъ Остерманъ и Коновницынъ отдѣльно боролись съ авангардомъ французской арміи, превосходившимъ силы cadaго изъ нихъ, вызываютъ вопросъ, почему Барклай-де-Толли не выдвинулъ противъ этого авангарда оба отряда совокупно и не усилилъ ихъ, дабы не только отбросить противника, но и преслѣдовать и разбить его. Но онъ былъ слишкомъ опытный воинъ, чтобы не предвидѣть вѣроятныя послѣдствія такого образа дѣйствій: противъ превосходныхъ силъ Мюратъ не сталъ бы держаться, а отступая на Бѣшенковичи, навелъ бы

нашъ отрядъ на главныя силы Наполеона, спѣшившія со всѣхъ сторонъ къ Витебску, что легко могло бы имѣть послѣдствіемъ его уничтоженіе. Къ тому же другая еще причина побуждала Барклая держать свои войска въ сборѣ: приглашая кн. Багратіона двинуться изъ Могилева на Оршу для скорѣйшаго соединенія съ I арміею, онъ избѣгалъ всякаго выдѣленія войскъ, не вызываемаго необходимою.

Ф. В—нъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

